

Культурный код России как препятствие инновациям: констатация или абсурд?

В работе дан ответ на вопрос, является ли культурная специфика России препятствием для реализации классической модели инновационного развития. Показано, что отторжение русским обществом необходимых составляющих инновационного генезиса — таких, как индивидуализм, конкуренция, риск, во многом являются следствием ложной интерпретации понятий, политических реалий и навязанных сверху патерналистских и постфигуративных стереотипов, которые могут быть преодолены, если само государство станет примером деятельного субъекта, формирующего инновационное пространство.

Ключевые слова: Шумпетер, инновационное развитие, патернализм, индивидуализм, конкуренция, риск, школьный патент.

А. А. Антипов,
к. фил. н., доцент, кафедра
таможенного дела и логистики,
факультет «ИМБИП», Санкт-Петербургский
национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики
aantipov80@mail.ru

Обсуждение проблем инновационного развития современной России давно является частью широкого дискурса с поиском экономических, политических, образовательных и другого рода ответов на вопрос о способах и средствах сделать инновации органической составляющей национальной экономики и жизни. При этом, несмотря на то, что до окончания реализации принятой в 2011 г. «Стратегии инновационного развития РФ» осталось три года, в рейтинге «Глобального инновационного индекса 2016» Россия занимает 43-е место [3], уступая в том числе Греции, с экономическими проблемами которой еще недавно связывали возможный крах еврозоны [12].

Ответы на вопрос о причинах отсутствия тенденций к преодолению инновационной инертности российской экономики можно традиционно связывать с непредвиденными факторами — санкциями, вынужденной тратой колоссальных сил и средств на обслуживание внешнеполитического вектора и т. п. Однако названные факторы имманентны любому периоду России и не отвечают на главный вопрос: существуют ли в целом перспективы формирования инновационного пространства в российской культуре или дискурс об этом является пределом возможностей?

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо последовательно рассмотреть степень корреляции каждой из основных составляющих классической модели инновационного развития с национальной культурой.

Классик теории инновационного развития Й. А. Шумпетер выделяет следующие оптимальные условия генерации инноваций, которые условно можно

разделить на два блока — политический и культурно-психологический.

Политический блок условий включает в себя высокий уровень культуры чиновников и избирателей, следствием чего является ограниченность сферы политических решений и контроль над бюрократией. В результате для инновационного развития как процесса снизу политическая система является не двигателем и тем более контролером, а помощником, партнером и амортизатором.

Социологический мониторинг российского общества показывает, что отношение общества к власти так же, как и представителей власти к своей деятельности, не отвечает критерию «высокого уровня демократического самоконтроля» [16]. С одной стороны, более 65% россиян оценивают свое государство как несправедливое, с другой, 49,8% государственных служащих считают максимальный личный доход — главным приоритетом их деятельности, 34,4% работают ради защиты корпоративных интересов и только 15,8% — ради интересов граждан [18]. Высокая дистанция власти — одна из причин, которая в исследовании А. Давыдова «Размерности культуры и инновационное развитие» соответствует низкому уровню инновационного развития, примером которого является Россия [4].

При этом характерно, что для появления общественно-экономической модели с «низкой дистанцией власти» в национальном историческом опыте никогда не было места. Более того, именно высокая дистанция власти и авторитарное руководство инновационным развитием определяло периоды инновационных всплесков. Данная тенденция ручного управления

экономикой сверху была заложена реформами Петра I, в числе негативных последствий которых называют тотальное уничтожение первых ростков предпринимательства и буржуазности [1], и механизма внутреннего саморазвития, что сделало следствием модернизации не закономерное раскрепощение общества, а абсолютизированное и огосударственное рабство [9].

Закономерно, что сегодня палочная система Петра является уже естественным стимулом инновационной активности, о чем свидетельствует высокий уровень инновационного развития сфер, находящихся под прямым государственным протекторатом.

Генетическое восприятие государственного патернализма является культурно-психологической чертой и позволяет нам обратиться ко второму блоку условий по Шумпетеру: это индивидуализм, отсутствие страха перед неопределенностью, то есть риском, и конкуренция.

Понятие индивидуализма в национальном сознании преимущественно вызывает негативные коннотации и непосредственно связывается с эгоизмом, разобщенностью и тлетворным влиянием запада. По сути индивидуализм как категория никогда не имел шансов получить положительно-действенное наполнение в русской культуре и ментальности. Он изначально и до настоящего времени подвергается жесткой обструкции: в русской мысли (славянофильское и близкие ему направления), в русской литературе (которая даже положительных героев клеймила индивидуализмом: Штольц, Болконский и т. п.), и русской политике, которая в зависимости от политического режима и отношений России и Запада использовала критику индивидуализма в качестве механизма манипуляции общественным сознанием. При этом попытки реинтерпретировать индивидуализм как личную ответственность и стимул к созидательной деятельности так и не вышли за пределы либеральной мысли, которая никогда не была популярной в России. Современная социология подтверждает общенациональную тягу к соборности: в желании особой демократии, которая будет соответствовать национальным интересам [2] и надеждой «на лучшую жизнь прежде всего с «соборным» государственным целеполаганием, ориентированным... на общенародные задачи и цели» [8]. При этом социальная реальность не соответствует соборной мечте, особенно в плане необходимых для ее воплощения традиционных межпоколенных связей, так как общество разобщено, и почти половина россиян до 20 лет охвачены эмигрантскими настроениями и ориентированы на индивидуалистический Запад [18]. И парадокс в том, что западное общество привлекает наше молодое поколение не индивидуализмом, а именно единством и стабильностью, то есть практически воплощенной социальной соборностью [18].

Высокий уровень избегания неопределенности, проще говоря, нежелание рисковать в свете того, что именно риск является катализатором внедрения инновационных идей, рассматривается едва ли не как главный культурно-психологический тормоз на пути инновационного развития России [4]. При этом избегание неопределенности — не только особенность национальной психологии, но и следствие специфики

взаимоотношений общества и власти, которые эту психологию во много определили. Она выражается прежде всего в шоковом, насильственном характере внедрения нововведений сверху (которые в большинстве случаев так и не становились инновациями) и уничтожение уверенности в социально-экономической стабильности завтрашнего дня в 1990-е гг. Наряду с политикой СМИ, которая сознательно смещает внимание общества от реальных социально-экономических проблем к бытовым и внешнеполитическим драмам, эти и многие другие факторы заставляют общество воспринимать саму жизнь в стране как риск, как необходимость квантового переживания каждого дня без построения перспектив и тем более создания дополнительных рисков.

Без риска и тяги к «созидательному разрушению» не может быть конкуренции, которой традиционно противопоставляются необходимость единства и гармонии. При этом несовершенная конкуренция как главное условие рынка и пространства инновационного творчества не может возникнуть в обществе, где подавляющее большинство населения — за советскую политическую систему и плановую экономику [10].

Отсутствие всех составляющих формулы инновационного развития может закономерно привести нас к уже хрестоматийного итогу о бесперспективности инновационного развития России по классической западной модели вследствие непреодолимых ментальных причин. И — при высоком уровне изобретательства — инновации в национальной экономике всегда будут следствием ручного указания, управления сверху. Однако данный вывод представляется нерелевантным, так как не содержит потенциала для каких-либо положительных практических следствий. А указание на необходимость следовать существующим моделям западных стран без определения путей адаптации опыта совершенно другой истории и культуры — не более, чем одна из опорных фраз, вокруг которых строятся в том числе философские исследования национальной специфики инновационного мышления [11].

Мы попытаем воспользоваться методологическим принципом бритвы Оккама и указать на два утверждения, которые, претендуя на ключевые императивы в пространстве дискурса об инновационном развитии России, являются умножением сущностей без необходимости и не позволяют выявлять практические следствия.

Прежде всего необходимо элиминировать утверждение того, что в русской ментальности отсутствуют компоненты инновационного развития, названные выше. Данное положение приобретало самые радикальные формы, одним из ярких примеров чего являются «Первое философическое письмо» Чаадаева 1836 г. и принцип трех «К» М. Мамардашвили, который развивал идеи предшественника уже на современном этапе. Если Чаадаев указывал на младенчество национального культурного самосознания, отсутствие какого бы то ни было развития вследствие ошибочного выбора византийского, а не цивилизационного европейского пути, то Мамардашвили, в соответствии с третьим «К» — миром Кафки, называет советское пространство зоной «мертвого застоя», «тупой неподвижности» [5],

квазисуществованием, где «непрожеванный кусок истины вечно тащится потоком нашей жизни и сознания» [5] в противоположность цивилизационной Европе, так как в ней есть «способы обеспечения поддержки мышления», восходящие к гносеологии Декарта и Канта (двум правильным «К») [5]. Почему этот и подобные выводы, имея право на существование, никогда не выйдут за рамки умозрительной субъективности? Во-первых, потому, что любая попытка препарировать ментальность той или иной культуры и поставить диагноз о наличии либо отсутствии в ней рациональных и цивилизационных предпосылок — беспредметна по причине неявленности данных предпосылок для исследования, а, во-вторых, порождает бесконечные, близкие к софистическим и за почти век не давшие ни одного положительного практического следствия споры западников и славянофилов, глобалистов и антиглобалистов о возможности/невозможности оценки западной культуры как всеобщего мерила и рациональной/иррациональной природе культурно-исторического титанизма как феномена России.

Вторым крупным препятствующим императивом является неизменная отсылка к советскому опыту и конкурентоспособности советской экономки на мировом рынке, в том числе по количеству патентов, что и порождает общественную тягу к плановой экономике. Но при всех очевидных достоинствах советского периода экономики нельзя не учитывать следующее: по справедливому утверждению бывшего директора Роспатента, значительное количество выдаваемых в советские годы патентов (200-250 тысяч в год против 33536 патентов на изобретения в 2016 г.) [14] было обусловлено и простотой формул изобретения, и существованием целой «армии НИИ», деятельность которых оценивалась и материально поощрялась [7]. Закономерно, что плановый количественный подход к научно-технической деятельности в противоположность механизму коммерциализации инноваций привел к тому, что с крушением плановой экономики прекратило свое существование и плановое изобретательство. Нельзя не сказать о том, что, подобно идеальной бюрократии М. Вебера, инновационная деятельность как естественный процесс снизу, не должна зависеть от политических перемен. И, если бы советская экономическая система с сотнями тысяч изобретений была самостоятельным организмом, при всех объективных обстоятельствах (разрушение инфраструктуры, незаконная приватизация и т. п.) она имела бы шансы на существование после смены политического режима. В свете сказанного желание общества вернуть плановую экономику с учетом отсутствия инфраструктуры, радикального изменения отношения молодежи к труду, очевидном приоритете западной продукции непродовольственного характера [15] является не более, чем романтической ностальгией.

Элиминировав названные императивы, которые только порождают порочный круг споров, мы можем сделать определенные выводы и указать на их продуктивные следствия.

Дискурс о корреляции национальной ментальности и культуры с моделью инновационного развития необходимо заменить на конструктивное обсуждение

условий, где исторический и психологический патернализм и необходимые компоненты классической инновационной модели сформируют самобытное пространство национального экономического развития. Государство должно стимулировать и поддерживать инноваторов, создавая условия свободного творчества, совершенствуя механизмы защиты интеллектуальной собственности и коммерциализации инноваций. Если мы соглашаемся с низким уровнем избегания риска в нашем обществе, то само государство должно стать примером риска, активно поощряя венчурные предприятия и в целом ту сферу генерации инноваций, которая не связана с текущими (и постоянными для России) стратегическими задачами оборонно-промышленного комплекса.

Вышесказанное потребует радикального изменения всей политической и финансово-экономической системы, которое будет искусственным без внутреннего реформирования образовательной модели. Каждое поколение с первых шагов образования дает обществу шанс на рождение тех будущих инноваторов, кто преодолет комплексы безынициативности, страха конкуренции, риска и т. п. Для этого необходимо введение с первых и до последних ступеней образования ценности свободного творчества и в том числе изобретательства, где индивидуализм и честная конкуренция — не препятствия, а стимулы. Также должна осуществляться просветительская деятельность, объясняющая значение интеллектуальной собственности и утверждающая необходимость ее защиты с пониманием механизмов и процессов коммерциализации и диффузии инноваций как главного мерила продуктивности инновационной деятельности. Только последовательное влияние на формирование еще детской психологии позволит преодолеть постфигуративную стагнацию, начав переход к кофигуративной и префигуративной типам межпоколенных отношений [6].

Следует отметить, что «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» от 1 декабря 2016 г. во многом учитывает вышеназванные условия: достаточно указать на то, что среди принципов государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации — свобода научного и технического творчества, системность поддержки, концентрация ресурсов, рациональный баланс между решением государственных задач и инициативой исследователей, открытость, адресность поддержки и справедливая конкуренция — следуют друг за другом [13]. При этом необходимы такие механизмы жизненного воплощения данных принципов, которые позволят не свести реализацию данной стратегии к традиционному государственному патернализму и решению определяемых им задач.

Существуют ли сегодня примеры реального действия вышеназванных принципов инновационной стратегии, где ключевую роль играет столь необходимая инициатива снизу? Положительным ответом на заданный вопрос является международный детский конкурс «Школьный патент — шаг в будущее» [17], который позволил объединить тысячи талантливых школьников со всего мира. Широкий спектр номинаций конкурса, где могут быть представлены и сочи-

нения, рисунки, проекты, и изобретения, в том числе полезные для Минобороны страны, дает возможность тем, кто еще не охвачен историческими стереотипами и далек от политических реалий, почувствовать свободу творчества и ценность справедливой конкуренции. Более того, авторы уникальных и полезных результатов получают возможность консультаций ведущих специалистов страны, а также правовую поддержку, то есть имеют возможность уже со школьной скамьи начать взрослый путь изобретателя.

К сожалению, примеров, подобных «Школьному патенту», немного. Поэтому остаются весомые опасения, что реализация «Стратегии...» снова приведет к широкому безрезультатным дискурсам.

В качестве рекомендательных мер практического характера было бы целесообразно повсеместное введение в школы и вузы курсов, посвященных основам изобретательства, интеллектуальной собственности и коммерциализации инноваций, чтобы формирование инновационной культуры носило широкий последовательный характер.

В заключение, отвечая на вопрос, поставленный в заглавии статьи, признаем, что культурный код России как препятствие инновационному развитию — это абсурдное утверждение, что, будем надеяться, докажет реализация инновационных задач государства без крайностей культурофилии и культурофобии, но в синтезе незыблемых классических условий и национальной специфики.

Список использованных источников

1. А. Аксенов. Генеалогия московского купечества XVIII века. М.: Наука, 1988. 189 с.
2. Д. Волков, С. Гончаров. Демократия в России: установки населения. Сводный аналитический отчет. 2015. Левада-Центр. https://komitetgi.ru/upload/uploaded_files/Демократия.pdf.
3. WIPO. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Глобальный инновационный индекс 2016. http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2016/article_0008.html.
4. А. А. Давыдов. Размерности культуры и инновационное развитие. http://www.isras.ru/blog_modern_3.html. 2010.
5. М. Мамардашвили. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004. 272 с.
6. М. Мид. Культура и мир детства. М.: Наука, 1983.
7. Новые известия. Руководитель федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам Борис Симонов. <http://www.newizv.ru/society/2006-12-19/60493-rukovoditel-federalnoj-sluzhby-po-intellektualnoj-sobstvennosti-patentam-i-tovarnym-znakam-boris-simonov.html>.
8. О чем мечтают россияне: идеал и реальность/Под общ. ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.
9. Т. М. Пенская. Цена реформ...//Научный результат. 2015. № 2. С. 47-59.
10. Предпочтительные модели экономической и политической систем. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem>.
11. П. А. Рудаков. Социально-философские основания процесса формирования инновационной личности. Автореф. дис. ... к. филос. н. М., 2012. <http://www.dissers.ru/1filosofiya/socialno-filosofskie-osnovaniya-processa-formirovaniya-innovacionnoy-lichnosti-specialnost-09-00-11-socialnaya-filosofiya-avtoreferat-dissertacii.php>.
12. Сакс Джеффри. Конец игры: почему крах Греции — это крах Европы. http://www.rbc.ru/opinions/economics/18/06/2015/558199199a7947462d8e152b?from=materials_on_subject.
13. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации от 01.12. 2016. <http://sntr-rf.ru>.
14. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Роспатент. Годовой отчет 2016. http://www.rupto.ru/about/reports/2016/otchet_2016_ru.pdf.
15. Фонд «Общественное мнение». Отечественные vs. импортные непродовольственные товары. <http://fom.ru/Ekonomika/12589>.
16. Й. Шумпетер. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. http://www.libertarium.ru/lib_capsocdem.
17. Школьный патент — шаг в будущее». <http://schoolpatent.ru/>.
18. М. Н. Яковлева. Социокультурные противоречия между властью и обществом в современной России/Отв. ред. В. А. Мансуров//Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 г.). Материалы V Всероссийского социологического конгресса М.: Российское общество социологов, 2016. С. 929-939. <http://www.isras.ru/publ.html?id=4739>.

Cultural code of Russia as an obstacle to innovation: is that a statement or nonsense?

A. A. Antipov, PhD in philology, associate professor, the department of customs and logistics, the faculty «IMBIP», Saint-Petersburg national research university of information technologies, mechanics and optics.

The article answers the question: the cultural specificity of Russia is an obstacle for the implementation of the classical model of innovative development? The rejection of Russian society are necessary components of the innovation Genesis, such as individualism, competition, risk, are largely the result of false interpretations of the concepts, political realities, and imposed from above and postfigurative paternalistic stereotypes, which can be overcome if the state itself becomes an example of an active subject that creates innovative space

Keywords: Schumpeter, innovation development, paternalism, individualism, competition, risk, school patent.